

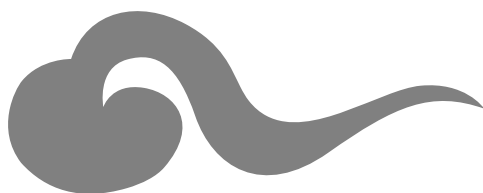

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Лягушки»

«Большая грудь, широкий зад»

МО
ЯНЬ

Страна
ВИНА

INSPIRIA
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan
THE REPUBLIC OF WINE
Copyright © 1992, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Игоря Егорова*

Мо Янь.

М74 Страна вина / Мо Янь ; [перевод с китайского И. Егорова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-193239-8

Уже давно ходят жуткие слухи, что в провинции Цзюго (буквально означает «Страна вина») творится неслыханное — поедают детей. На следователя по особо важным делам провинциальной прокуратуры Дин Гоуэра возложена ответственная миссия — докопаться до правды. В честь приезда следователя в провинции закатывают грандиозный пир, который станет началом того тяжелого алкогольного ступора, который опустится, кажется, на весь окружающий мир.

Перед вами еще одно фантазмагоричное путешествие в самое сердце Китая от Нобелевского лауреата Мо Яня.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-193239-8

© Егоров И., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Следователь по особо важным делам провинциальной¹ прокуратуры Дин Гоуэр трясся в кабине угольного грузовика. Он ехал на шахту Лошань проводить специальное расследование, и от неотвязных мыслей голова буквально распухла. Коричневая бейсболка пятьдесят восьмого размера, которая раньше сидела свободно, теперь сжимала голову словно обруч. Стало совсем невмоготу, он стащил бейсболку и увидел, что она вся влажная от пота. В нос ударил жаркий дух жирных волос, смешанный с другим запахом, сырым и холодным. Запах показался каким-то чужим, накатила тошнота, и он схватился за горло.

Когда до шахты было уже рукой подать, на черном полотне дороги стали появляться все новые неровности и ухабы, и разогнавшемся грузовику пришлось сбавить скорость. Жутко скрипели рессоры, Дин Гоуэр то и дело стучался головой о потолок кабины. Сидевшая за рулем довольно симпатичная молодая особа крыла дорогу и людей почем зря; из ее уст неслась такая брань, что так и хотелось отпустить грубую шуточку. Не удержавшись, он покосился на нее. Синяя роба, торчащий из-под нее воротник розовой рубашки закрывает часть белой шеи; сверкающие темные глаза с зеленоватым отливом, короткая стрижка, черные волосы — жесткие

¹ *Провинция* — самая крупная единица территориального деления в Китае. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

и блестящие. Руки в белых перчатках вцепились в баранку: вся внимание, она впилась глазами в дорогу, объезжая колдобины. Машина уходила влево — туда же кривился рот, брала вправо — он перекашивался в ту же сторону. Так и ходил туда-сюда. На носу выступил пот, на лбу обозначились морщины. Лоб низкий, подбородок твердый, губы пухлые — видать, женщина пылкая, страстная. Грузовик сильно качнуло, их тела нечаянно соприкоснулись, и даже через одежду изглодавшаяся кожа ощутила близкую мягкость и тепло. Захотелось прижаться к ней, потрогать руками. Странноватые ощущения для опытного сорокавосемилетнего следователя, но, опять же, вроде бы нормальные. Он тряхнул головой и отвел от нее взгляд.

Дорога становилась все хуже. Грузовик попадал то в одну колдобину, то в другую, раскачивался и скрипел, но продолжал ползти вперед, будто громадный зверь, у которого вот-вот разъедутся лапы, и в конце концов пристроился в хвост длинной колонне машин. Женщина расслабленно вытянула ноги, заглушила двигатель, стянула перчатки, стукнула по рулю и недружелюбно глянула на него:

— Мать его, хорошо, что ребенка в пузе нету!

Вздрыгнув, он проговорил, чтобы расположить ее:

— Будь там ребенок, его бы уже вытрясло!

— Так я и позволю, чтобы его вытрясло, — строго возразила шоферица. — За ребенка две тысячи юаней дают. — И уставилась на него чуть ли не с вызовом, но все в ней говорило, что она ждет ответа.

Дин Гоуэра охватил радостный испуг и любопытство. В результате этого короткого обмена грубоватыми фразами он почувствовал, что закатился со всеми потрохами к ней в корзину этакой картофелиной с синими глазками. Тайны и запреты в отношениях между полами стремительно отлетели неизвестно куда, и дистанции между ними уже не было. За словами шоферицы просматривалось нечто, имеющее отношение к тому, что его сейчас занимало, и в душе зародились сомнение и страх. Он настороженно посмотрел на нее. Рот

у нее чуть скривился. От этого стало не по себе. Ведь только что она казалась женщиной смелой и решительной, неординарной. Но этот искривленный в бесцеремонной ухмылке рот его расстроил. Стало ясно, что человек она никчемный и недалекий и вообще не стоит душевных затрат.

— А ты что, ребенка ждешь? — выпалил он.

Все переходные формы общения она уже отбросила, словно недоваренные, и чуть ли не бесстыдным тоном заявила:

— Солончак я, вот беда.

«Ты следовательно опытный, — мелькнуло в голове, — на тебя возложена большая ответственность, но на женщине ответственность куда большая». Вдруг вспомнилось, как, бывало, потешались над ним коллеги: «Дин Гоуэр одной елдой любое дело раскроет». Так и подмывало дать себе волю. Он вытащил из кармана фляжку с вином, отвинтил пробку, отхлебнул и передал шоферице.

— Ну, по вопросам сельского хозяйства я спец, — подыграл он. — Особенно по мелиорации.

Та с силой нажала на клаксон, но раздался лишь слабый, приглушенный сигнал.

— Мамаше своей на титьку надави! — сердито буркнул водитель, выскочивший из кабины грузовика перед ними.

Она взяла фляжку, понюхала, словно определяя качество, потом задрала голову и с бульканьем осушила. Дин Гоуэр хотел было похвалить ее, но потом подумал, что хвалить за умение пить в Цзюго¹ — почти бессмыслица, и промолчал. Он вытер рот и, впившись взглядом в ее пухлые, мокрые от вина пунцово-красные губы, без обиняков заявил:

— Дай-ка я тебя поцелую.

Она вдруг залилась краской и взвизгнула, будто в перепалке:

— Я тебе поцелую, мать твою!

Ошарашенный Дин Гоуэр быстро огляделся: водитель другого грузовика уже снова забрался в кабину, и на них

¹ Цзюго — досл. «страна вина».

никто не обратил внимания. Впереди извивалась целая колонна машин; сзади пристроился запряженный в повозку осел, за ним — грузовик с прицепом. На плоском лбу осла язычком пламени во мраке ночи алела новенькая красная бахрома. По обеим сторонам дороги тянулись канавы, среди разросшейся травы поднимались невысокие уродливые деревья с больными стволами. И листья, и трава — в черной пыли. Стояла поздняя осень; за канавами простирались поля, где под налетавшим ветром в торжественном молчании торчала желто-серая стерня. Ни радости, ни печали. Вокруг раскинулся край шахт, высились окутанные желтоватой дымкой терриконы. У шахтного ствола беззвучно и безостановочно вращается лебедка, загадочно и странно. Ее видно лишь наполовину, остальное закрывает грузовик.

Шоферица продолжала выкрикивать: «Я тебе поцелую, мать твою», но с места не двинулась. Своими криками она нагнала немало страху, но Дин Гоуэр, рассмеявшись, чуть коснулся ее груди указательным пальцем — и будто нажал на кнопку старта: она навалилась на него всем телом, схватила за голову холодными как лед руками и потянулась к нему губами. Холодными, мягкими и — странное дело — совсем не упругими, словно старая вата. Разочарованный, он потерял к ней всякий интерес и оттолкнул. Но этот разъяренный тигренок набрасывался на него снова и снова, бормоча:

— Едрить твою налево, так тебя и этак...

Суматошно размахивая руками и ногами, он отбивался как мог. Утомонить ее удалось, лишь прибегнув к приему, каким утихомиривают преступников.

Оба тяжело дышали. Дин Гоуэр крепко держал ее запястья, беспрестанно пресекая попытки к сопротивлению. Она что было сил старалась вырваться, извиваясь всем телом, словно пружина, издавая при этом мычание, как упирающаяся телочка, и его снова разобрал смех.

— Чего смеешься? — вдруг заговорила она.

Отпустив ее руки, Дин Гоуэр достал из кармана визитку:

СТРАНА ВИНА

— Пойду я, барышня. Вспомнишь про меня — ищи по этому адресу!

Она смерила его взглядом, опустила глаза на визитку, как пограничник на паспорт туриста, потом снова уставилась на него.

Дин Гоуэр потрепал ее за нос, сунул под мышку кожаную папку и взялся за ручку дверцы:

— Пока, дочурка. А удобрение у меня первоклассное, как раз для солончаков.

Он уже наполовину вылез из машины, когда она ухватила его за край одежды. Смотрела она как-то растерянно, и он вдруг понял, что она еще совсем девчонка, не замужем и вообще не была с мужчиной, милая такая и жалкая. Он погладил ее по руке и сказал вполне искренне:

— Я тебе в отцы гожусь, дорогуша.

— Обманщик! — сердито фыркнула она. — А говорил — до станции техобслуживания.

— Так почти приехали, — улыбнулся он.

— Шпион!

— Хоть бы и так.

— Знала бы, что шпион, не взяла бы!

Дин Гоуэр нашарил пачку сигарет и бросил ей:

— Ладно, не сердись.

Она швырнула его фляжку в канаву:

— Тоже мне мужик — не фляжка, а одно название.

Дин Гоуэр спрыгнул на обочину, захлопнул дверцу и зашагал вперед.

— Эй, ты, шпион! — донесся сзади ее голос. — Часом, не знаешь, что там за беда на дороге?

Обернувшись, Дин Гоуэр увидел, что она высунулась из окошка, усмехнулся, но ничего не ответил.

Похожее на цветок хмеля лицо шоферицы задержалось в памяти Дин Гоуэра лишь на минуту, а потом лопнуло, как пузырьки пивной пены на прозрачных стенках стакана, и исчезло. Дорога в угледобывающий район, грязная и узкая,

извивалась тонкой кишкой. Грузовики, тракторы, гужевые повозки, запряженные волами телеги — весь этот транспорт самого разного вида и цвета походил на диковинного зверя, кусающего свой хвост. У одних машин фары были погашены, у других — нет. Выхлопные трубы — впереди на капотах тракторов и позади внизу у автомобилей — изрыгали клубы синеватого дыма. Непрогоревший бензин и солярка вкупе с вонью от животных висели над дорогой удушающим облаком. Следовательно двигался вперед, к шахте, то протискиваясь вплотную к машинам, то задевая плечом зарубки на стволах невысоких деревьев. Почти все водители, сидевшие в кабинах, и возницы, стоявшие опершись на оглобли, выпивали. Очевидно, запрет пить за рулем здесь не работает. «Сколько еще так пробираться?» Он яростно вскинул голову: в центральной части горной выработки виднелись две трети высоченного каркаса подъемника. По колесу скользил серебристо-серый стальной трос, а сам подъемник — то ли из-за ржавчины, то ли из-за краски — казался в солнечном свете темно-красным и замызганным. Сурово смотрелся огромный черный блок, а безостановочно ползущий трос отбрасывал не слепящие, но пугающие серебристые блики и походил на ядовитую змею. Впечатление от цвета и блеска дополнял скрежет вращающегося блока, визг вытягиваемого стального троса и глухие подземные взрывы.

Овальная площадь возле шахты тоже забита машинами и повозками, пагоды сосенок по краям в угольной пыли. Грязный с головы до ног осел, уткнувшийся мордой в сосновую хвою — то ли пощипать хвои, то ли почесаться, — вдруг громко чихнул. У одной из повозок собралось несколько человек. Черные от загара лица, повязки на головах, потрепанная одежда, веревки вместо поясов. Запряженная в повозку лошадь жевала сено из плоской плетеной корзины, а возницы выпивали. По круту ходила большая темно-фиолетовая бутылка, и каждый прикладывался к ней с нескрываемым удовольствием. Все по очереди с хрустом откусывали от лежавшей на постромках большой белой редьки. Смачно прожевав,

подходили снова, чтобы с таким же хрустом откусить еще. Умением всех перепить Дин Гоуэр не отличался, но выпить любил, в винах более или менее разбирался и по стоявшему в воздухе ядренному духу понял, что напиток в этой бутылки далеко не изысканный. Специфический запах водочного перегара с редькой был, пожалуй, похлеще вони испускаемых газов. Одежда выпивох и то, что они пили и ели, выдавали в них крестьян из окрестностей Цзюго. Когда следователь проходил мимо, один хрипло гаркнул:

— Сколько на твоих, товарищ?

Глянув на часы, Дин Гоуэр ответил. На лице молодого крестьянского парня с красными глазами и рыжеватой щеотиной было такое свирепое выражение, что сердце сжалось, и он ускорил шаг.

— Пускай ворота скорее открывают, свиньи. Зажрались совсем, — бросил вслед крестьянин.

От такой злобы стало не по себе, но следовало признать, что основания для этого были. Четверть одиннадцатого, а железные решетчатые ворота шахты по-прежнему заперты на здоровенный замок, похожий на черный панцирь большой черепахи. На самих воротах приварено восемь круглых стальных листов. Начертанные на них красным лаком большие иероглифы — «Соблюдайте безопасность на производстве» и «С праздником Первое мая!» — давно выцвели. В чарующем свете осеннего дня многое выступало по-новому, и на фоне черноты шахты голубизна неба казалась еще пронзительнее. То поднимаясь, то опускаясь вместе с рельефом местности, вокруг территории извивался серый кирпичный забор чуть выше человеческого роста. Калитка в створке ворот приоткрыта, за ней лениво развалился огромный рыжий пес, а над головой у него осенним листком порхает полуживая бабочка.

Когда Дин Гоуэр попытался отворить калитку, пес яростно рванулся к нему, едва не ткнувшись покрытым каплями пота носом в тыльную сторону ладони. Вернее, собачий нос коснулся ладони, потому что следователь ощутил, какой он

прохладный; по цвету он напоминал лиловую каракатицу или кожуру личжи¹. Но оголтелая агрессивность пса тут же сменилась испугом. Он отскочил в тень у проходной, забился в увядшие заросли софоры и с воем затряс прямоугольной головой.

Дин Гоуэр отодвинул щеколду, толкнул калитку, постоял, касаясь спиной прохладного железа, и вошел, озадаченно глядя на перепуганного пса. Перевел глаза на руку: торчащие костяшки, черные жилы; алкоголь в крови есть, но ни электричества, ни чего-то особенного. «Что же ты ткнулся в меня и убежал?» — хотелось спросить у этой псины.

В воздухе расплескалась горячая вода из тазика для умывания. Разноцветный и пестрый водопад. Этакая радуга, которой не захотелось оставаться в одиночестве. Пена и солнце. Надежда. С минуту по шее текла вода, потом налетел ветерок и разлилась прохлада. Вскоре глаза отяжелели, рот наполнился чем-то соленым с привкусом дешевой парфюмерии. Тут и запах давно не мытого лица, и сморщенная духовная субстанция. В этот миг шоферица в кабине напрочь стерлась из памяти следователя. Исчезли губы, похожие на старую вату. Исчезла чувствительная, как электрический выключатель, грудь. Но потом женщина с его визиткой в руках всплыла в сознании четко и напряженно, словно пейзаж с далекими горами в тумане. «Сучье отродье!»

— Жить, что ли, надоело, сучье отродье? — зло топнул ногой стоящий перед ним вахтер с тазиком в руках.

Дин Гоуэр понял, что это адресовано ему. Он стряхнул с головы капли воды, вытер грязным носовым платком шею, отхаркнулся и сплюнул. Поморгал глазами, чтобы выйти из этого затруднительного положения, принял свой обычный вид и проницательным взглядом в упор уставился на вахтера. Разные по величине, черные как уголь, бесстыжие, тупые глаза, круглый красный нос, смахивающий на плод боярыш-

¹ *Личжи* — тропическое растение с небольшими плодами, кожура которых покрыта многочисленными бугорками.

ника, синие губы и упрямо сжатые зубы. Извиваясь, словно змея или червяк, все тело пронизала жаркая волна. Вспыхнула ярость, ее пламя разгоралось все сильнее, черепная коробка раскалилась добела, как древесный уголь в печке, как молния, и грудь закипела отвагой.

Жесткие черные патлы вахтера торчали во все стороны, как у собаки. Было заметно, что своим видом Дин Гоуэр нагнал на него страху. Волосы из ноздрей походили на хвост ласточки. «Это зловредная черная ласточка засела у него там, — мелькнуло в голове. — Свила гнездо, снесла яйца, высидела птенцов». Он прицелился в эту ласточку и нажал на курок. И еще раз. И еще.

Звуки выстрелов, ясные и звонкие, разорвали тишину у ворот шахты. Они заглушили лай большого рыжего пса и привлекли внимание крестьян. Из кабин повывскакивали водители, уже навеселе. Мягкие губы осла поранились о твердые сосновые иголки. Запряженный в повозку буйвол поднял тяжелую голову и перестал жевать свою жвачку. Все сперва замерли, а потом толпой повалили к месту происшествия. В десять тридцать пять вахтер проходной шахты Лошань рухнул на землю, обхватив голову руками. Из рта выступила белая пена, тело содрогалось в конвульсиях.

С ухмылкой на лице и сверкающим пистолетом в руке Дин Гоуэр стоял стройный, как гималайский кедр. Его обволакивал вьющийся из дула синеватый дымок.

Толпа ошеломленно смотрела, ухватившись за прутья ворот. Казалось, прошло очень много времени, прежде чем раздался визгливый вопль:

— Убили... Вахтера Лао Люя убили!

Дин Гоуэр, этот иссиня-черный гималайский кедр, язвительно усмехнулся:

— Столько зла натворил этот старый пес, что и не счесть.

— В Кулинарную академию его продать, в отдел спецулиналии!

— Так ведь не проварится, пес старый.

Мя Янь

— В спецкулинарии нужны беленькие, нежные мальчики, на кой им это старье!

— В зоопарк его, волков кормить!

— Такому корму и волки не обрадуются.

— Ну тогда на опытный участок для особых видов растений, пусть на удобрения переработают!

Дин Гоуэр подкинул пистолет в воздух. Блестящая поверхность сверкнула серебряным зеркалом. Поймав пистолет, он показал его на ладони стоявшим за воротами. Маленький, изящный, с красивыми линиями, похожий на револьвер.

— Без паники, друзья, — усмехнулся он. — Это же детская игрушка!

Нажав на кнопку, он разложил корпус надвое, вытащил небольшой темно-красный диск из твердого пластика и продемонстрировал собравшимся.

— Каждый зубчик прижимает пороховой заряд в бумажной оболочке величиной с соевый боб, — показывал он. — Нажимаешь на курок — диск поворачивается, раздастся звук выстрела. Эту игрушку можно в театре использовать как бутафорский реквизит, на спортивных состязаниях в качестве стартового пистолета. Такие в любом универмаге продаются. — С этими словами он сунул в желобок барабана пороховой заряд и, собрав пистолет, нажал на курок — бабах!

— Вот так, — объяснял он, как заправский продавец. — Не верите — смотрите. — И, подведя дуло к своему рукаву, снова нажал курок.

— Ван Ляньцзюй! — воскликнул один из водителей. Наверное, он когда-то смотрел «образцовую пьесу» «Красный фонарь»¹.

— Да не настоящий это пистолет! — Дин Гоуэр поднял руку. — Гляньте, будь он настоящий, ведь насквозь пробило

¹ «Красный фонарь» — одна из восьми «образцовых пьес», разрешенных к постановке в китайских театрах во время «культурной революции». Ван Ляньцзюй — персонаж этой пьесы, предатель.

бы, верно? — В солнечном свете на рукаве виднелся желтоватый кружок, от него резко пахло порохом.

Следователь сунул пистолет в карман, подошел к распростертому на земле вахтеру и пнул его:

— Поднимайся, приятель, нечего покойника изображать.

По-прежнему держась за голову, вахтер встал. Лицо у него было нездорового желтого цвета, как у хорошо приготовленного няньгао¹.

— На кой ляд мне убивать тебя, припугнул, и всё, — продолжал Дин Гоуэр. — Ни к чему злоупотреблять властью. Уже одиннадцатый час, давно пора ворота открыть!

Опустив руки, вахтер поднес их к лицу и стал рассматривать. Потом снова, словно не веря, потрогал голову, еще раз посмотрел на руки. Крови не было. Убедившись, что живой, он испустил долгий вздох и все еще испуганным голосом осведомился:

— А ты-то, ты что здесь делаешь?

Дин Гоуэр хитро усмехнулся:

— Я — новый директор шахты, из города прислали!

Вахтер метнулся в будку. Вернувшись с большим блестящим ключом в руках, он отпер невообразимо огромный замок и с лязгом открыл ворота. Народ радостно загудел, все разбежались по машинам, и через несколько минут улица наполнилась ревом моторов.

Медленным, неудержимым потоком машины вплотную, одна за другой с лязгом въезжали в ворота: этакая большая и омерзительная многоногая гусеница. Дин Гоуэр шарахнулся в сторону: внутри вдруг зародилось необъяснимое возмущение. Потом конвульсивно сжалась прямая кишка, безудержно запульсировала кровь, накатила боль, и он понял, что это обострение геморроя. «Опять, как раньше, расследование с болями и кровавым стулом». Но возмущения в душе заметно поубавилось. Всего не избежать. Беспорядок неизбе-

¹ Няньгао — пирожок из клейкого риса, традиционное новогоднее лакомство.